

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 285–294
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 285–294
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-285-294>

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09+929 Мандельштам

**Речевой портрет О. Мандельштама
(К методике филологической оценки поэтического идиолекта)****В. П. Москвин**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ), Россия, 400066,
г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27

Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и
методики его преподавания, vasmoskvin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6849-253X>

Аннотация. Разработан алгоритм филологической оценки поэтического идиолекта, определены составляющие языковой компетенции его носителя, на этой основе представлен речевой портрет О. Мандельштама на фоне современной русской поэзии. Исследование показало, что языковая компетенция носителя поэтического идиолекта представлена двумя составляющими: 1) культурноречевой, уровень которой находится в обратной зависимости по отношению к числу: а) допускаемых ортологических ошибок и стиливых недочётов; б) их типов и подтипов; 2) элокутивной, уровень которой определяется числом применяемых стиливых техник. Оценка культурноречевой составляющей возможна на основе общей типологии речевых ошибок; с этой целью был составлен перечень типовых для современной стихотворной речи ошибок и недочётов, которые, при условии регулярного их появления в текстах автора, свидетельствуют об имеющихся у него проблемах в этой сфере. Предложенный тест позволил выявить поэтов с безупречной культурноречевой компетенцией и тех, компетенция которых оставляет желать лучшего. Оценка элокутивной составляющей производится на основе общей типологии фигур (включая ритмические) и семантических переносов. Одним из наиболее значимых критериев оценки элокутивной компетенции следует считать способность к производству новых стиливых техник и речевых жанров, т. е. её креативную составляющую, в этом аспекте О. Мандельштам предстаёт как создатель по меньшей мере двух речевых жанров, ставших привычным атрибутом современной русской поэзии: 1) акромонасиллабического стиха с терминальной спондеической цезурой; 2) вольного дольника, образуемого посредством процедуры вторичного стихового членения.

Ключевые слова: поэтика, стиховедение, жанр, акромонасиллабика, вольный дольник

Для цитирования: Москвин В. П. Речевой портрет О. Мандельштама (К методике филологической оценки поэтического идиолекта) // *Жанры речи*. 2021. № 4 (32). С. 285–294. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-285-294>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Speech portrait of O. Mandelstam
(On the methodology of philological evaluation of poetic idiolect)****V. P. Moskvina**

Volgograd State Pedagogical University, 27 V. I. Lenin Ave., Volgograd 400066, Russia

Vasilii P. Moskvina, vasmoskvin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6849-253X>

Abstract. The article develops an algorithm of philological evaluation of a poetic idiolect, determines the components of the language competence of its carrier; on this basis presents the speech portrait of O. Mandelstam in the context of modern Russian poetry. The study shows that the linguistic competence of the poetic idiolect carrier is represented by two components: 1) speech culture competence, the level of which is inversely dependent with

respect to the number of a) the orthological and stylistic mistakes made by them; b) their types and subtypes; 2) elocutive competence, the level of which is determined by the number of stylistic techniques used by them. The evaluation of the speech culture competence is possible on the basis of a general typology of speech errors; for this purpose, a list of typical for modern poetic speech errors and shortcomings is compiled: if these errors and shortcomings regularly appear in the author's texts, this indicates that he has problems in this area. The proposed test allows to identify poets with impeccable cultural competence and those whose competence leaves much to be desired. The evaluation of the elocutive competence is made on the basis of the general typology of figures (including rhythmic ones) and semantic transfers. One of the most significant criteria for evaluating elocutive competence is an ability to produce new stylistic techniques and speech genres, i. e. its creative component, in this aspect O. Mandelstam appears as a creator of at least two speech genres that have become a familiar attribute of modern Russian poetry: 1) an acromonosyllabic verse with a terminal spondaic caesura; 2) a free dolnik formed through the procedure of secondary verse division.

Keywords: poetics, poetry studies, genre, acromonosyllabic verse, free dolnik

For citation: Moskvina V. P. Speech portrait of O. Mandelstam (On the methodology of philological evaluation of poetic idiolect). *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 285–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-285-294>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Г. В. Адамович, размышляя о месте А. Блока и О. Мандельштама (далее ОМ) в иерархии русских поэтов, пишет: «Блок один в наш век Пушкину противостоит и до известной степени ему отвечает, и его продолжает. <...> Есть царство Блока, и сознают они это или нет, все новейшие русские поэты – его подданные, даже если иные среди них и становятся подданными-бунтовщиками и подданными-отступниками» [1: 88 и 90]. Вторым после Блока в этом царстве считается ОМ, который, «разрывая связи с символистами, оставался продолжателем символизма» [2: 395]. Значимость ОМ для отечественной культуры актуализирует необходимость изучения особенностей его речи.

Речевой портрет предполагает анализ языковой компетенции, последняя получает отражение в сложной конфигурации качеств речи. Под качествами речи принято понимать параметры её оценки с точки зрения нормы. По отношению к норме все качества речи подразделяются на два типа: 1. Положительные (ἀρεταί): БЛАГОЗВУЧИЕ, БОГАТСТВО, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, КРАТКОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ, ОДНОЗНАЧНОСТЬ, ПРАВДОПОДОБИЕ, ПРАВИЛЬНОСТЬ, РАЗНООБРАЗИЕ, ТОЧНОСТЬ, УМЕСТНОСТЬ, ЯСНОСТЬ. Существуют средства, предназначенные для создания положительных качеств: так, приёмы ухода от тавтологических повторов создают разнообразие речи. 2. Отрицательные (κακία): АЛОГИЗМ, ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ, НЕБЛАГОЗВУЧИЕ, НЕПРАВДОПОДОБИЕ, НЕПРАВИЛЬНОСТЬ, НЕТОЧНОСТЬ, НЕЯСНОСТЬ, ОДНООБРАЗИЕ. Отрицательные качества могут быть: а) случайными, такие качества расцениваются как

ошибки (σολοικισμοί, sermonis vitia); б) нарочитыми: существуют приёмы построения нарочито алогичной, двусмысленной, неправдоподобной, неясной речи. Известна следующая системообразующая корреляция: «Prius fit iisdem generibus quibus vitia. Esset enim orationis schema vitium, si non peteretur sed accideret» 'Их [фигур] столько же видов существует, сколько ошибок. И становится фигура речи ошибкой, если она не преднамеренна, но случайна' [3: 111]. Так, фигуры повтора соотносимы с тавтологией по признаку мотивированного/немотивированного нарушения требования разнообразия речи. Все выразительные приёмы языка (переносы¹, фигуры) предназначены для реализации указанных качеств речи. С обозначенной точки зрения видятся два типа компетенции: 1) КУЛЬТУРНОРЕЧЕВАЯ, уровень которой находится в обратной зависимости по отношению к числу: а) допускаемых ортологических и стиливых недочётов; б) их типов; 2) ЭЛОКУТИВНАЯ, уровень которой определяется числом применяемых стиливых техник.

1. Культурноречевая компетенция О. Мандельштама

Любая оценка предполагает сопоставление, т. е. наличие «фона». Роль такого фона в нашем исследовании сыграет современная русская поэзия². Нами составлен перечень типовых для стихотворной речи недочётов, которые, при условии регулярного их появления в текстах автора, свидетельствуют об имеющихся у него проблемах в этой сфере. Наложив полученную аналитическую

¹О соотношении понятий 'перенос' и 'троп' см. [4].

²Тексты извлекались из журналов, включённых в электронную библиотеку «Журнальный зал» («Арион», «Звезда», «Знамя», «Новый мир» и др.). Выборка охватывает тексты последних 20–25 лет.

сетку на идиолект ОМ, мы получим культурно-речевую характеристику его поэтического идиолекта. К числу недочётов нами отнесены:

1. АВТОРСКАЯ ГЛУХОТА – фактическая ошибка, приводящая к неправдоподобию речи: *Не Зевс, а рой ворон клевать больную печень // на огонёк твой прилетит* (А. Пурин. Поэту)³; *Шесть часов. // Вечерний циркуль стрелок, тикая, садится на шпагат* (А. Степин. Среди немых вилок и тарелок...)⁴; *Черепаша вышла на дорогу. // Осмотрелась. Встала в полный рост* (М. Яснов. Черепаша вышла на дорогу). В стихотворении И. Бродского «Ручей» герой пьёт воду из этого ручья, идёт вверх по течению и выходит к «океану небытия». Получается, что ручей вытекает из океана⁵, а герой пьёт солёную воду.

2. Злоупотребление ВТЫЧКАМИ. Втычка представляет собой вставку краткого, как правило, односложного неполнозначного слова, используемую на правах метрической вольности, напр. с целью выдержать схему: а) ямба: *По скользкому пути От светлого И к злему* (И. Лёгкая. Бог проявляется в святых мечтах земли); б) ДЗХЗж: *Во поле только весло и стояло – вот и Всё и рассыпалось – просто открылся ларчик* (Т. Вольтская. Девушка с веслом). Неодносложные, а значит, полнозначные втычки искажают смысл, поэтому менее удачны: *В пустыне Исаак и Авраам // четвёртый день пешком к пустому месту // идут одни по всем пустым холмам, // что зыблются сродни (под ними) тесту* (И. Бродский. Исаак и Авраам)⁶.

3. Нарушение таких требований, как:

3.1. Требование ЧИСТОТЫ РЕЧИ, что предполагает отсутствие нелитературных, в частности обценных выражений: *Выходя во двор нечётного октября, // ёжась, число окруляешь до «ох ты бя»* (И. Бродский. Заморозки на почве и облысение леса...); *Отцвели уж давно бирдолёты в садах – В смысле, птицы давно улетели НА ЙУХ* (О. Сульчинская. Отцвели уж давно...).

3.2. Требование СИТУАТИВНОЙ УМЕСТНОСТИ РЕЧИ, предполагающее запрет на ДИСФЕМИЮ: *так ли он сладок, горький, весенний дым? // ЗАДНИЦА МИРА, СРЕДНЯЯ ПОЛОСА* (А. Бабанская. Средняя полоса); *И повсюду, где РУССКИЙ проник человек, – КАБАКИ да ОСТРОГИ, Всюду РУССКАЯ ВЛАСТЬ, как присохшая ГРЯЗЬ* (В. Сосновский. Предчувствие весны).

4. Стилистически немотивированные:

4.1. ИНКОГЕРЕНТНОСТЬ. Поэт пишет об ОМ: *Час и два готов смотреть я, Как он курит, к жизни не готов* (А. Кушнер. В Петербурге мы сойдёмся снова...). Неясно, как неготовность к жизни связана с курением табака. Паразитарная инкогерентность характерна для современного верлибра:

дело в том что хотел бы волной
набегают снега в караваны и грабят
и пустыня в снегу
и следы твои тонут и плачут зывая об августе
море тепле
но тоска и кристаллики больше кристалликов
богу кристалликов вечер и лень
и введенский прости за внезапный
я так криворук и дурак и вообще-то не в такт
а вы помните сайт где смешные случайные
феи
и уютность такая что просто клетчатый плед
но снова потом «лабиринт» и кусачая фея,
наутилус помпилиус – ненастоящая фея <...>,
etc.

Б. Занаева. У лам иногда меняются показания

4.2. НЕБЛАГОЗВУЧИЕ, в частности:

4.2.1. БАТТОЛОГИЯ [греч. *βαττολογία* 'заикание'] – столкновение одинаковых звуковых комплексов, в частности слогов: *Ничего, всё равно я взволнован, сказать ли, задет Им, и мнится, не так тяжела беспросветная глыба* (А. Кушнер. Георгий Адамович); *Он уронил слезу, душою враз размяк* (Б. Парамонов. Парижский крестьянин); с тавтологией: *Я был счастлив, ибо был в отчизне* (Е. Рейн. Eхegi Monumentum). Баттология как предмет пародии: *ПОЭТЕССА. Влекомы мы роком. ПОЭТ. Кыш!* (С. Чёрный. Русский язык).

4.2.2. ЖЁСТКОЕ ЗВУКОСОЧЕТАНИЕ [лат. *dura pronuntiatio*] – скопление согласных: *из грёз, где взор женщины нежен* (Е. Каминский. Большой и бездушной лопатой...); *Воскрешший Пётр, в рыцарском плаще...* (А. Ткаченко-Гастев. Петербургские трамваи). Как солецизм (см. рубрику 5.5): *Речь идёт об естественности такой* (А. Кушнер. Я-то знаю, увы, что нельзя окно...), ср. в пародии, имитирующей просторечие: *Само собой пошёл скандал Промежду нами. И тут я что-то ей сказал Об ейной маме...* (А. Иванов. Рассказ новобрачного).

4.3. Паразитарная ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ. Регулярным её источником в стихотворной речи выступает инверсия: *Быть может, потому поэту и родная* [кроме ещё какой-л.? – В. М.] *Страна дороже всех* (А. Кушнер. Не в том

³Клевать печень Прометея прилетал не Зевс, а посланный им орёл.

⁴Это происходит не в шесть часов, а без пятнадцати три.

⁵Это «противно законам природы» [5: 67].

⁶«[Б]ыло бы затруднительно вообразить, что холмы зыблются над идущими» [6: 98].

беда, что мысль...), ср. и дорожке. Видом такой двусмыслицы является КАКЭМФАТОН [греч. *какэмфатов* < *какός* 'дурной', *эмфатис* 'намёк'] – случайный сдвиг как следствие ассоциативной глухоты: **Не потребность в звезде // пусть ещё, но уж воля благая** (И. Бродский. В Рождество все немного волхвы...); **И как ангел, здесь не ОСТАВИВ СЛЕДА** (Ю. Арабов. Антология), слышится **какангел**, воспринимается как некое словотворчество; добавим, что след оставляют мухи, но не ангелы. А вот **какангел** с копытами (см. рубрику 2): **Нас, как ангела лёгкого стук КОПЫТЦА** (Е. Елагина. Два рождественских стихотворения). Какэмфатон является традиционным предметом вышучивания:

она прекрасна **как акация**
её прекрасней не найти
а я такую **какакацию**
хочу в рекламу поместить
чтоб там висит и улыбается
а я **как ангел** во плоти
смотрю туда и мне **какангелу**
охота по небу летать
чтоб я взлетаю в небо синее
где все **какангелы** вокруг
а эта снизу **какакация**
мне машет чем не разглядеть
А. Левин. [О]на прекрасна как акация...

К этой же рубрике отнесём АССОЦИАТИВНУЮ ГЛУХОТУ – ведущее к двусмыслице невнимание к паразитарным ассоциациям по смежности, по близкозвучию, к паразитарным коннотациям и пресуппозициям. Паразитарные ассоциации возникают у литературных выражений в результате регулярного употребления в эвфемистической функции. Такие выражения отягощены обсценными фонетическими (*абзац, пинцет*), структурными (*долбаный, клёпаный*) и деривационными (*голубой*) ассоциациями, которые не всегда учитываются: **в марте // я имел эту жизнь // этот город // страну // и букварь // а уехать в париж // всё равно что приблизиться к смерти** (Евг. Бунимович. [Н]ас как птиц по москве...)⁷; **Я емь лишь часть себя иль гость необычайный? // Начало вечности или конец срамной?** (С. Петров. Я думаю иль кто-то мыслит мной?); **Как было легко // в этом дне, что забыт, полустёрт, // бутылке «Клико» // разбиваться о клёпаный борт!** (А. Вергелис. Фотография в альбоме); у того же автора: **Парикмахерши-ударницы // обслужили целый взвод** (Парикмахерши-ударницы...). Пример невнимания к синтагматическим ассоциациям: **Ни**

горя, ни веков, Померкших вдалеке, А только ряд стихов, Не тонущих в реке! (А. Кушнер. Полнолуние). Ю. Колкер полагает, что «[...] автор, не умеющий устранить все ненужные ему [и, добавим, шокирующие и отталкивающие читателя. – В. М.] ассоциации, не владеет формой» [7: 75].

4.4. НЕПРАВИЛЬНОСТЬ РЕЧИ в сферах: 1) орфоэпии: а) акцентологии: **он заявил – Великий Пост. // Ужо тебе ПРИЩЕМЯТ хвост** (И. Бродский. Я пробудился весь в поту...)⁸; **Теперь ШЕВЕЛИТСЯ как бы моллюск. // Слог притупился, не отточен** (В. Гандельсман. Вечер поэзии); **невнятный запах прели и травы – в апреле вы жестоки и ПРАВЫ** (Е. Рейн. Истинный Новый год); **Дикий шиповник и белый, белее любого. Тот, кто тебя назовёт, переспорит ИОВА** (О. Седакова. Дикий шиповник); б) произношения: **И глаза бы мои не глядели, как время моё Через силу идёт в коллективное НЕБЫТИЕ** (С. Гандлевский. Мою старую молодость...); 2) грамматики: **Припадут, в песок ЗАРЯСЬ, // поднесут дары, // радость хрупкая, как робость, // утренней поры** (В. Гандельсман. Мелодия); **Ещё за зимней сказкою Не ЖГЁТ тебя тоска** (А. Городницкий. Односельчанин Пушкина); **И снова УЕДЬ, // Непременно во мраке** (Ю. Ламская. Вернись в этот город...). Ортологические ошибки становятся предметом особенно жёсткой критики: а) «[...] уедь» – «плебейская форма от глагола «уехать». Повелительное наклонение от него – «уезжай». А от глагола «ехать» – «поезжай» (форма «езжай» считается просторечной, «ехай» и «едь» – недопустимыми ни при какой погоде» [8: 319]; б) «Совсем иное дело, когда подобную ошибку совершает автор, щеголяющий своей учёностью. В библейском имени *Иов* (в рифме) Седакова ставит ударение на втором слоге, чем тотчас подрывает доверие ко всему строю своих нарочито изысканных стихов» [7: 80]. Строго говоря, в имени *Иов* возможно вариативное ударение.

4.5. ОДНООБРАЗИЕ РЕЧИ, в частности ТАВТОЛОГИЯ: **Не думал я однажды человеком // быть перестать** (О. Дозмороз. Старуха-жизнь со мной играет в прятки...); **Гора, наверное, стать башней бы хотела, На мир осмысленней тогда б она глядела, Бойницы были б в ней, смотрела бы сквозь них; Скала – собором быть мечтает то и дело** (А. Кушнер. Гора, наверное, стать башней бы хотела...). Ср. в иронической имитации поэтического косноязычия: **Кабы был бы я моложе, Да сложен бы хорошо, Я б на велике бы то-**

⁷Учитывая личность автора, мы склонны исключить возможность грязного намёка.

⁸«С ударениями Бродский обходится с излишней свободой. Похоже, что часто он делает это бессознательно, не заботясь или не зная о литературной норме» [6: 135]. Как известно, поэт среднюю школу не окончил, доучивался же в школе рабочей молодёжи.

же *Прокатился нагишом* (И. Иртеньев. Кабы был бы я моложе...).

При рассмотрении вопроса об оценке недочётов в идиолекте почитаемого поэта трудно сохранить непредвзятость. Анализируя стихи Б. Пастернака, М. И. Шапир указывает на фактические ошибки, катахрезы, абсурд, плеоназм, «нечаянную двузначность», «синтаксическую амбивалентность» (амфиболию), «неосмотрительное обращение с канцелярским слогом», неблагозвучие, анаколуп, «аграмматизм», ошибки в ударениях (*ложится, збóнят*) [9]; сходные наблюдения над стихами И. Бродского находим у Ю. Колкера [6]. Шапир трактует выявленные им погрешности как составляющую идиостиля, «эстетику небрежности», Колкер в оценках ошибок традиционен. Видимо, прав последний, поскольку ошибки не могут составлять особенность идиостиля.

Из числа рассмотренных выше недочётов в текстах ОМ присутствуют:

1. Отдельные неправильности (см. рубрику 4.4) в сферах: а) ударения: *Вслед за ним мы его не ПОВТОРИМ* (Флейты греческой тэта и йота...); *Все твои, Микель Анджело, СИРОТЫ, Облечённые в камень и стыд* (Рим); б) произношения: *И сознание своё затоваривая Полуобморочным БЫТИЁМ, Я ль без выбора пью это варево, Свою голову ем под огнём?* (Стихи о неизвестном солдате); в) грамматики: *Чтоб горло повязать, я не имею шарфа!* (Мы напряжённого молчания не выносим..., 1912). Здесь имеет место влияние используемого в семье ОМ немецкого языка, cf. *ich habe keinen Schal* 'я не имею шарфа'. 2 января 1937 г. поэтом была внесена правка: *И горло греет шёлк щекочущего шарфа...*

2. Есть случаи применения жёстких звуко сочетаний, но говорить об их случайном характере трудно. Так, в акромоносиллабике, рассмотренной ниже (см. раздел 2), консонантные скопления усиливают терминальную спондеическую цезуру, вынуждая исполнителя к облигаторному применению пауз (именно так читает это стихотворение ОМ в записи С. И. Бернштейна): *Явлений раздвигь || грань, Земную разрушь || клеть И яростный гимн || грянь – Бунтующих тайн || медь!* (Сегодня дурной день..., 1911). Техника эвфонической верификации стиха проста: «В. Брюсов считает сочинение стихов без одновременного произнесения невозможным. А. Ахматова полагает, что стихи необходимо проверять на слух, во избежание возможной какофонии. О. Мандельштам сочиняет стихи вслух» [10: 18]. Произносительные движения обеспечивают проверку на артикуляционное благозвучие, слух – на акустическое.

3. Единичные фактические неточности (см. рубрику 1). В стихотворении «Царское село» читаем: *Поедем в Царское Село! Свободны, ветрены и пьяны, Там улыбаются уланы...* А. Ахматова комментирует: «То же подчёркнутое невнимание в строке – “Там улыбаются уланы”. В Царском сроду уланов не было, а были гусары, жёлтые кирасиры и конвой» [11: 18].

4. Инкогерентность речи (см. рубрику 4.1). В этой связи приведём наблюдение Г. С. Померанца: «Теоретизируя, ОМ легко запутывается» [2: 392]. Теоретическая мысль требует композиционных навыков, которые, по оценке Д. П. Святополк-Мирского, у ОМ отсутствуют:

«Своеобразный поэт с очень «необщим выражением»; основная линия его творчества ведёт к возрождению классической оды, Ломоносовской риторике большого стиля. Но своеобразное косноязычие мешает Мандельштаму выдержать своё красноречие. В отдельных стихах, двустихиях, строфах почти сравнимый с Расином – Мандельштам беспомощен в композиции больших масс. Получается перебойное мелькание ряда риторических планов, напоминающее кубистическую картину» [12: 202].

Рассмотрим под этим углом зрения выдержку из статьи ОМ «Слово и культура», где тезис [γ] опирается на посылки [α] и [β]:

«Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху. [α] Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днём, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времён. [β] Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму [γ]» [13: 169].

Демонстрация, т. е. речение, эксплицирующее связь между тезисом [γ] и подтверждением [α] + [β], здесь отсутствует, что естественно для лирики, но едва ли допустимо для научно-го дискурса. Восстановим демонстрацию [δ]:

Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху. [α] Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днём, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времён. [β] Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму [γ], ибо революция, подобно плугу, взрывает время, и его глубинные слои, классицизм, оказываются сверху [δ].

Эту особенность идиолекта ОМ отметил и Г. В. Адамович: «Мандельштам в разговоре логику отнюдь не отбрасывал, но ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал, <...> считая, что всякого рода «значит», «ибо», «следовательно» лишь загромождают речь и что без них можно обойтись [...]» [1: 95–96]. Тем не менее в стихотворной речи инкогерентность приемлема, для лирики же органична. ОМ, как

и А. Блок, говорит намёками. Разницу между двумя поэтами точно обозначил Г. С. Померанц: «Блок был искреннее и глубже других символистов. Он сам понимал, что создаёт инфляцию знаков тайны, бумажных денег тайны, за которыми то ли золото, то ли труха. Поколение, к которому принадлежал Мандельштам, почувствовало это ещё острее. Ещё очень рано, до осознанного акмеизма [...], Мандельштам писал: *Ни о чём не нужно говорить, Ничему не следует учить...* <...> То есть надо говорить не говоря. Подвести читателя к чувству неназванной тайны» [14: 113]. Данная тактика в риторике известна как ЭПИТРОП [греч. *ἐπιτροπή* 'намёк'] – демонстрация таких фактов, которые склоняют к определённому выводу.

Как видим, тест идиолекта ОМ на недочёты даёт отрицательный результат.

2. Элокутивная компетенция О. Мандельштама

Стилевые тактики не просто создают *форму* текста, «в известном, и притом поверхностном смысле: в смысле внешней формы» как некоего «сосуда», безразличного к содержанию, но образуют продиктованное замыслом *строение* этого произведения как «закон предмета»; упрощённое понимание формы «мешает нам оценить собственных классиков» [15: 113]. С этой точки зрения филологическим критерием оценки близости поэта к статусу классика должна выступать оценка его элокутивной компетенции.

Элокутивная усложнённость некоторой части современных поэтических текстов свидетельствует, *inter alia*, если не о творческом таланте (*ποίησις* 'творчество'), то о техническом мастерстве и языковом чутье их авторов, среди которых могут быть названы Д. Авалиани, М. Амелин, И. Иртеньев, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, А. Левин, Л. Лосев, В. Павлова, Д. А. Пригов, Г. Сапгир, Т. Собакин, В. Строчков и др., обладающие собственным стилем, а значит, собственным узнаваемым голосом; показателем для характеристики речевой компетенции поэтов, названных нами, тот факт, что ни один из них не стал фигурантом раздела (1). В этой связи может быть сформулирована следующая зависимость: ЧЕМ РАЗВИТЕЕ ЭЛОКУТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА, ТЕМ МЕНЬШЕ ОРТОЛОГИЧЕСКИХ И СТИЛЕВЫХ НЕДОЧЁТОВ В ЕГО РЕЧИ.

⁹Такая способность, если следовать мысли М. О. Гершензона, усиливается: а) при билингвизме и принадлежности к двум культурам (напр., у русской аристократии – культуре русской и французской, русской и английской, etc.); б) при знакомстве с иным языком (греческим, латинским) и соответствующей культурой, что практиковалось в русских гимназиях до 1917 г. ОМ знал французский и немецкий, итальянский и испанский, был знаком с древнегреческим, в детстве учил древнееврейский.

¹⁰Ср. греч. *τρέπειν* 'поворачивать <слово>', *τρόπος* 'поворот, перенос', отсюда термин *τροπ.*

М. О. Гершензон [16: 228] говорит о редкой способности «поворачива[ть] вещи к обществу такой стороной, с какой оно само не привыкло их видеть»⁹; сюда же отнесём умение «поворачивать» слова¹⁰ в языковой игре: *ГНУТЫМ СЛОВОМ ЗАБАВЛЯЛСЯ, Птичьим клювом улыбался* (А. Тарковский. Поэт). Таким запомнился ОМ автору этих стихов. За склонностью ОМ «к безудержной словесной игре, образотворческому фантазированию» [17: 93], за его «ржактами» [18: 155], за способностью *гнуть* и *поворачивать* (τρέπειν) слова стоят техническое мастерство и уникальное языковое чутьё. Характеризуя ОМ как мастера неожиданных переосмыслений, К. В. Мочульский [19: 106–107] пишет:

«Иногда кажется, что читаешь стихи, написанные на иностранном наречии. Единственному из современных поэтов, ему даже на русском языке удаётся писать латинские стихи: они производят на нас почти то же впечатление, что оды Горация и элегии Овидия. В его песнопениях первобытная важность: и заклинание, и звон, и ритмический жест. Поистине для Мандельштама еда стала трапезой, а одежда одеянием. И он куёт свою «латынь», напоминая словам об их древней, священной природе. Прикасясь к ним, обнажает их первобытный смысл и метафору возвышает до мифа».

Такая «латынь», затемняющая и возвышающая смысл, создаётся целым рядом средств, в частности незамкнутых метафор, метафорических цепочек с пропущенным исходным звеном, многоходовых метонимических переносов с пропущенными звеньями, комбинаций переносов; к этому же ряду отнесём следующую зевгму, характеризующую боевой аэроплан: *КРЫЛА И СМЕРТИ уравнение*, – *С АЛГЕБРАИЧЕСКИХ пирушек* (А небо будущим беременно...).

По мысли ОМ, звучание слова может быть равно значению: *Значенье – суета, и слово – только шум, Когда фонетика – служанка серафима* (Мы напряжённого молчанья не выносим), т. е. «фонема может быть помещена внутри значимости» [20: 228]. Этому образу соответствуют применяемые ОМ звуковые метафоры, анаграммы, фонетические аллюзии:

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался **кутерме!**
Клевещущих козлов не досмотрел я драки:
Как петушок в прозрачной лёгкой **тме...**

Стансы

Здесь «предмет, о котором идёт речь, не назван. Но слово *тюрма* ясно ощущимо благодаря его фонетическим подобиям (*кутерма, тьма*)» [21: 272]. Заметной составляющей поэтики ОМ считается наложение одного образа на другой. Эту составляющую реализуют разные тактики, в частности травестирование (пример замечен Н. Струве [22: 59]):

ПАРАФРАЗ:

И власть, с утра до вечера,
Заигранную вхруст,
Одну сонату вечную
Твердил он наизусть...

ОМ. Жил Александр Герцевич...

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ:

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

М. Ю. Лермонтов. Молитва

Значимым критерием в оценке элокутивной компетенции следует считать способность к производству новых стилевых техник. В. Пяст фиксирует технику, которую «ввёл, бесспорно, Мандельштам» [23: 276]: *Источается тонкий тлен – Фиолетовый го|белен* (Источается тонкий тлен..., 1909). Стихи подчинены формуле логаяда Ан2Я1м, где инометрическая вставка Я1м отмечает концовку. Это стихотворение трактуется, в частности: а) вслед за М. Л. Гаспаровым – как трёхиктный дольник; б) вслед за В. А. Плунгяном – как логаяд (см. обзор: [24]). Думается, более точна оценка В. А. Плунгяна.

Рассмотрим ещё один метрический стиль, в русской поэзии восходящий к текстам ОМ. Европейской поэтике известен жанр АКРОМОНОСИЛЛАБИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ [лат. *carmen acromonosyllabicum* < греч. *ἀκρος* 'крайний', *μόνος* 'один', *σύλλαβή* 'слог'], в котором концовки полустиший и/или строк, а также инициальные части строк отмечены односложными лексемами. На основе акромоносиллабики путём симметризации характерных для моносиллабов сверхсхемных ударений ОМ построил особый тип логаяда. Так, в завершающей стопе следующего дактилического стихотворения за счёт терминального полноударного моносиллаба возникает эффект амфимакра (X2м):

Я нена|вижу СВЁТ
Одноо|бразных ЗВЁЗД.
Здравствуй, мой| древний БРЁД, –
Башни стрел|льчатой РОСТ!

Я ненавижу свет... (1912)

Здесь, впрочем, терминальное лексическое ударение можно осмыслить и как метрическое, отсюда дактилохореическая интерпретация Д1Х2м: *Я нена|вижу| свет Одно|бразных|*

звёзд. Условие сохранения необычного ритмического рисунка – наличие амфимакра, подержанного двумя лексическими ударениями, что облигаторно требует присутствия моносиллаба в концовке. Рассмотренное стихотворение ОМ трактуется как 3-иктный логаядический дольник [25: 88], но такая характеристика представляется слишком общей.

Используя технику акромоносиллабики и применяя сверхсхемные ударения, ОМ строит логаяд на основе амфибрахия, в котором последний слог занят полноударным моносиллабом, создающим терминальный спондей:

Сегодня| дурной ДЕНЬ:
Кузнечи|ков хор СПИТ,
И сумра|чных скал СЕНЬ –
Мрачной| гро|бовых ПЛИТ.

Сегодня дурной день... (1911)

Приведём иные метрические характеристики данного текста: а) «3-иктный логаядический дольник с постоянной 1-сложной анакрусой и нулевым междуиктовым интервалом (форма 1.2.0.0), со сплошной мужской клаузулой» [25: 81]; б) «Лог Аф1ж+Я1м+Х1м» [26: 124]. За этими характеристиками стоит трактовка ударения в терминальном моносиллабе как метрического, а не как лексического, каковым оно в действительности является, т. е. не вполне чёткое разграничение ударений метрических и лексических (см.: [27]). Ритмическая техника, разработанная ОМ, приобрела характер традиции, ср.:

подобрав| языком| ПЫЛЬ
с корешков| не моих| КНИГ
я усво|ю чужой| СТИЛЬ
закрепив| основной| МИФ
Св. Литвак. [П]одобрав языком пыль...

Пример спондеической акромоносиллабики на основе дактилохорея:

Если бе|смыслица|, изви|ни, БРЁД,
то в рела|ксации| получи| МРАК.
Глупость не|бесная| из ме|ня ПРЁТ,
и полу|чается| – я, как| день, ПРАВ.

Н. Байтов. Если бессмыслица, извини, бред...

В следующей хореической акромоносиллабике последние два слога каждого полустишия при скандовке звучат как спондеические:

по ко|лено| бы зай|ти в СНЁГ|| и сто|ять там|
как в тра|ве ВЁК.
отре|зая| кромкой| век СВЁТ||, что сквозь| дым
от| сига|рет ВВЁРХ.
да по грудь бы забрести в то|пь, где висит
среди коряг| мрак,

и на гору бы смотреть, чтоб услышать,
как засвистит рак.
да по шею бы скользнуть в прах,
к головешкам и углям, там
малой искрой на кострах птах мелкий пляшет,
позабыв срам.
по макушку бы нырнуть в ъл да по уши,
с головой в ад...
М. Щербаков. [П]о колено бы зайти в снег...

При декламации может применяться как приглушение сверхсхемных ударений (*снег, век, свет*), так и усиление (*снег, век, свет*). Акромоносиллабический стих, не усиленный подхватом, именуется ПРОСТЫМ, усиленный – ФИГУРАТИВНЫМ¹¹. ОМ – один из первых русских поэтов, строящих вольный дольник посредством процедуры ВТОРИЧНОГО СТИХОВОГО ЧЛЕНЕНИЯ [27: 36], ср.:

X4Ж/М →	ВОЛЬНЫЙ ДОЛЬНИК
Всхлипнул март, крикливый	Всхлипнул март,
	месяц, Крикливый месяц,
Взяли сердце под ружьё,	Взяли сердце
Никогда не будем вместе	Под ружьё,
Подказало мне чутьё.	Никогда
	Не будем вместе
	Подказало
	Мне чутьё.

М. Бартель. Жалоба, перев. ОМ (1924)

В настоящее время этот приём вошёл в общее употребление. Пример вариации данной техники с преобразованием концевых рифм в начальные и внутренние, а также с подравниванием слогового объёма стихов, откуда обилие внутрисловных стиховых переносов:

АН2/ЗЖ →
Достаю из кармана
упаковку дурмана,
из стакана пью дым за Романа,
за своёго дружба́на,
за лимона-жигана
пью настойку из сна и тумана.
Золотые картины:
зеленеют долины,
синих гор голубеют вершины,
свет с востока, востока,
от порога до Бога
пролегал доро́га полого.
На поэзии русской
появляется узкий
очень точный узор восточный,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамович Г. В.* Несколько слов о Манделштаме // Воздушные пути. Альманах. № 2. Нью-Йорк, 1961. С. 87–101.

¹¹В энциклопедии И. Г. Алыстеда (1588–1638) читаем: «[...] figuratum est, quod habet perpetuam anadiplosin [...]» ‘фигуративный – тот, который имеет сквозной аналипсис’ [28: 543], т. е. подхват (см., напр., дольниковый гекзаметр В. Брюсова «Рок», 1911).

растворяется прежний –
безнадёжный, небрежный.
Ах, моя твоя помнит, мой нежный!

ВОЛЬНЫЙ ДОЛЬНИК
Достаю из кармана упаковку дурмана, из стакана пью дым за Романа, за своёго дружба́на, за лимона-жигана пью настойку из сна и тумана. Золотые картины: зеленеют долины, синих гор голубеют вершины, свет с востока, востока, от порога до Бога пролегал доро́га полого. На поэзии русской появляется узкий очень точный узор восточный, растворяется прежний – безнадёжный, небрежный. Ах, моя твоя помнит, мой нежный!
Б. Рыжий. «Достаю из кармана...»

Идиостиль ОМ стал образцом, во многом определившим творческую манеру таких поэтов, как П. Антокольский, К. Вагинов, Вс. Рождественский, Н. Тихонов, И. Бродский, О. Седакова и др.; без метрических техник, созданных ОМ, трудно представить современную русскую поэзию.

* * *

Языковая компетенция носителя поэтического идиолекта представлена двумя составляющими: 1) культурноречевой, уровень которой находится в обратной зависимости по отношению к числу: а) допускаемых недочётов; б) их типов; 2) элокутивной, уровень которой определяется числом применяемых стилевых техник. Оценка первой возможна на основе типологии речевых ошибок, второй – на основе типологии фигур (включая ритмические) и семантических переносов. Значимый критерий оценки элокутивной компетенции – способность к производству новых стилевых техник и речевых жанров, т. е. её креативная составляющая; в этом плане ОМ предстаёт как создатель по меньшей мере двух жанров, ставших привычным атрибутом современной русской поэзии: 1) акромоносиллабического стиха со спондеической цезурой; 2) вольного дольника, образуемого посредством вторичного стихового членения.

2. *Померанц Г.* Слово – Психея // Слово и судьба : О. Манделштам. М. : Наука, 1991. С. 389–398.

3. *М. Fabii Quintiliani.* Institutionis oratoriae. Vol. II. Lipsiae : Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1854. 315 p.

4. *Москвин В. П.* О подходах к определению понятия

«троп» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2013. Т. 72, № 2. С. 20–31.

5. Гордин Я. А. Вверх по течению в сторону рая // Звезда. 2020. № 5. С. 61–72.

6. Колкер Ю. Несколько наблюдений о стихах И. Бродского // Грани. Frankfurt am Main, 1991. Вып. 161. С. 93–152.

7. Колкер Ю. Седакова в анатомическом театре // Арион. 1998. № 1. С. 73–81.

8. Новиков В. И. Любовь лингвиста. М. : Эксмо, 2018. 512 с.

9. Шапир М. И. Эстетика небрежности в поэзии Пастернака // Славянский стих. Вып. VII. М., 2004. С. 233–280.

10. Бернштейн С. И. Стих и декламация // Русская речь. Вып. I. Л. : Academia, 1927. С. 7–41.

11. Ахматова А. Листки из Дневника (О Мандельштаме) // Мандельштам О. Соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 7–30.

12. Святотолк-Мирский Д. Русская лирика. New York : Russica Publishers, 1979. 211 с.

13. Мандельштам О. Слово и культура // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1990. С. 167–172.

14. Померанц Г. Осязанием слепого // Das Land und die Welt. München, 1987. № 37 (1). С. 107–117.

15. Шкловский Б. В. О законах строения фильм Эйзенштейна // Шкловский Б. В. За 60 лет : работы о кино. М. : Искусство, 1985. С. 113–117.

16. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона // Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242.

17. Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. М. : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. 144 с.

18. Кузин Б. С. Об О. Э. Мандельштаме // Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. М. : Инапресс, 1999. С. 153–179.

19. Мочульский К. В. О тяжести и лёгкости (Творчество О. Мандельштама и М. Кузмина) // Мочульский К. В. Кризис воображения. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. С. 106–111.

20. Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Соч. : В 2 т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1990. С. 214–254.

21. Хализев В. Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 1999. 398 с.

22. Струве Н. О. Мандельштам. London : Overseas Publications Interchange, 1988. 336 с.

23. Пяст В. Современное стиховедение. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 379 с.

24. Фролов Д. О стихотворении Осипа Мандельштама «Источается тонкий тлен» // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 56. Р. 1–15.

25. Василенко С. В., Лекманов О. А., Нерлер П. М., Плузган В. А. Приложение 3. О. Э. Мандельштам. Произведения : стихотворения // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. М. : Полит. энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 55–109.

26. Плузган В. А., Сичинава Д. В. Приложение 5. О. Э. Мандельштам. Метрический справочник // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. М. : Полит. энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 121–143.

27. Москвин В. П. Ударение лексическое и ударение метрическое : разграничение понятий // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2020. Т. 79, № 4. С. 24–50.

28. Ioan. Henrici Alstedii. Scientiarum omnium encyclopaediae tomus primus. Lugduni : Sumptibus I. A. Hugvetan Filij & M. A. Ravaud, 1649. 567 p.

REFERENCES

1. Adamovich G. V. A few words about Mandelstam. *Vozdushnye puti. Al'manakh* [Air routes. Almanac]. New York, 1961, no. 2, pp. 87–101 (in Russian).

2. Pomeranc G. Word – Psyche. In: *Slovo i sud'ba : O. Mandel'shtam* [The word and destiny : O. Mandelstam]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 389–398 (in Russian).

3. M. Fabii Quintiliani. *Institutionis oratoriae*, vol. II, Lipsiae, Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1854. 315 p.

4. Moskvina V. P. Approaches to defining the concept of trope. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 2013, vol. 72, no. 2, pp. 20–31 (in Russian).

5. Gordin Ya. A. Upstream in the direction of Paradise. *Zvezda* [Star], 2020, no. 5, pp. 61–72 (in Russian).

6. Kolker Yu. A few observations about the poems of I. Brodsky. *Grani* [Facets], Frankfurt am Main, 1991, iss. 161, pp. 93–152 (in Russian).

7. Kolker Yu. Sedakova in the Anatomical Theater. *Ariion*, 1998, no. 1, pp. 73–81 (in Russian).

8. Novikov V. I. *Ljubov' lingvista* [Love of a linguist]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 512 p. (in Russian).

9. Shapir M. I. The Aesthetics of carelessness in Pasternak's poetry. *Slavjanskij stih* [Slavic verse]. Moscow, 2004, iss. VII, pp. 233–280 (in Russian).

10. Bernshtejn S. I. Verse and recitation. *Russkaja rech'* [Russian speech]. Leningrad, Academia Publ., 1927, iss. I, pp. 7–41 (in Russian).

11. Ahmatova A. Pages from the Diary (about Mandel'stam). *Mandel'shtam O. Sochinenija* [Essays : in 4 vols.]. Moscow, Art-Biznes-Centr Publ., 1993, vol. 1, pp. 7–30 (in Russian).

12. Svatopolk-Mirskij D. *Russkaja lirika* [Russian lyric poetry]. New York, Russica Publishers, 1979. 211 p. (in Russian).

13. Mandel'shtam O. The word and culture. *Mandel'shtam O. Sochinenija* [Essays : in 2 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 167–172 (in Russian).

14. Pomeranc G. By the touch of the blind. *Das Land und die Welt*. München, 1987, no. 37 (1), pp. 107–117 (in Russian).

15. Shklovskij B. V. About the laws of the structure of Eisenstein's films. In: Shklovskij B. V. *Za 60 let : raboty o kino* [For 60 years : works about cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, pp. 113–117 (in Russian).

16. Correspondence between V. V. Rozanov and M. O. Gershenzon. *Novyj mir* [New World], 1991, no. 3, pp. 215–242 (in Russian).

17. Semenko I. M. *Pojetika pozdnego Mandel'shtama* [Poetics of the Late Mandelstam]. Moscow, Vash Vybor CIRZ Publ., 1997. 144 p. (in Russian).

18. Kuzin B. S. About O. E. Mandelstam. In: *Kuzin B. S. Vospominanija. Proizvedenija. Perepiska* [Memories. Works of art. Correspondence]. Moscow, Inapress Publ., 1999, pp. 153–179 (in Russian).

19. Mochul'skij K. V. On gravity and lightness (The work of O. Mandelstam and M. Kuzmin). In: *Mochul'skij K. V. Krizis voobrazhenija* [Crisis of imagination]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2017, pp. 106–111 (in Russian).

20. Mandel'shtam O. Talk about Dante. *Mandel'shtam O. Sochinenija* [Essays : in 2 vols]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 214–254 (in Russian).
21. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1999. 398 p. (in Russian).
22. Struve N. O. *Mandel'shtam* [O. Mandelstam]. London, Overseas Publications Interchange, 1988. 336 p. (in Russian).
23. Pjast V. *Sovremennoe stihovedenie* [Modern poetry studies]. Leningrad, Izd-vo pisatelej v Leningrade, 1931. 379 p. (in Russian).
24. Frolov D. About the poem by O. Mandelstam “Thinning thin decay”. *Toronto Slavic Quarterly*, 2016, no. 56, pp. 1–15 (in Russian).
25. Vasilenko S. V., Lekmanov O. A., Nerler P. M., Plungjan V. A. Appendix 3. O. E. Mandelstam. Works : poems. *Mandel'shtamovskaja jenciklopedija* [The Mandelstam Encyclopedia : in 2 vols]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2017, vol. 2, pp. 55–109 (in Russian).
26. Plungjan V. A., Sichinava D. V. Appendix 5. O. E. Mandelstam. Metric Reference Book. *Mandel'shtamovskaja jenciklopedija* [The Mandelstam Encyclopedia : in 2 vols]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2017, vol. 2, pp. 121–143 (in Russian).
27. Moskvina V. P. Lexical stress and metrical stress : differentiation of concepts. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 2020, vol. 79, no. 4, pp. 24–50 (in Russian).
28. Ioan. Henrici Alstedii. *Scientiarum omnium encyclopaediae tomus primus*. Lugduni, Sumptibus I. A. Hugvetan Filij & M. A. Ravaud, 1649. 567 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 23.01.2021 / После рецензирования 12.02.2021 / Принята 23.03.2021

Received 23.01.2021 / Revised 12.02.2021 / Accepted 23.03.2021